

Исмагил Шангареев

Нурали Латыпов

ИСЛАМ И МИР

ВОСТОК ГЛАЗАМИ КЛАССИКОВ

Монтескье Гете Пушкин Лермонтов Толстой

Нурали Нурисламович Латыпов

Исмагил Шангареев

Ислам и мир: восток

глазами классиков

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26714991

*И. К. Шангареев. Н. Н. Латыпов. Ислам и мир: восток глазами классиков: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-090140-1*

Аннотация

Являясь неотъемлемой частью западной цивилизации и Русского Мира, исламская культура зачастую вызывает страх и непонимание у людей европейских традиций. Меж тем именно эта загадочная и столь сложная для понимания тема объединила гениальных представителей разных национальностей и вероисповедания: Пушкина, Лермонтова, Толстого, Хлебникова, Бунина, Монтескье и Гёте. В попытке найти духовные созвучия в ритмах всемирной истории, авторы «Ислама и мира» обратились к их творчеству и попытались лично осмыслить «исламские духовные ценности». Эта книга дает возможность совершенно разным и, казалось бы, далеким людям посмотреть друг на друга и открыть новые грани

взаимопонимания и сотрудничества во имя общего будущего человечества.

Содержание

Предисловие редактора	7
Диалоги	15
Диалог I. «Подражания Корану» Александра Пушкина	15
Диалог II. Молитва Михаила Лермонтова	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Исмагил Шангареев, Нурали Латыпов Ислам и мир: восток глазами классиков

© И. К. Шангареев

© Н. Н. Латыпов

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Авторы выражают признательность Президенту Республики Татарстан Рустаму Нургалиевичу Минниханову, беседы с которым явились идейной основой для создания этой книги, которая является ярким примером того, как обмен мнений и взглядов, может воплотиться в единую концепцию духовного развития.

Авторы также выражают благодарность профессору истории Исхакову Владимиру Ильясовичу за консультативную помощь в интерпретации отдельных первоисточников и подготовке переводов ряда эксклюзивных текстов мыслителей Востока, дополняющих и расширяющих духовное пространство этой книги.

Предисловие редактора

Литература даёт нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нём не только чувство красоты, но и понимание жизни, всех её сложностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей.

Д. С. Лихачёв

На моём рабочем столе рукопись книги, которая заслуживает самого пристального внимания как творческих, так и политических элит Запада и Востока. Диалог всегда был самым продуктивным способом строительства мостов между цивилизациями, культурами и религиозными конфессиями. Достаточно вспомнить, что на Великом Шёлковом пути все противоречия решались рядом с колодцами (чашма), где люди всех наций, культур, религий пили воду из одного источника.

В книге «Ислам и мир» такими животворными источниками стали творческие диалоги, в которых раскрывается поразительный по своей глубине и масштабам опыт осмысления исламских духовных ценностей в творчестве Пушкина и Лермонтова, Толстого и Бунина, Монтескье и Гёте. Постигая сегодня этот опыт, представители разных культур и конфес-

сий смогут по-новому посмотреть друг на друга, испив животворной влаги, что сближает людей, открывая новые грани взаимопонимания и сотрудничества во имя общего будущего человечества.

Книга «Ислам и мир» по заголовку дерзко перекликается с заголовком великого романа Льва Толстого «Война и мир», где рассматриваются глобальные проблемы войны и мира, и в первую очередь мира как общества. В отличие от этого классического сюжета, книга «Ислам и мир» построена не на противопоставлении фундаментальных явлений истории, а на единстве исламских и общечеловеческих духовных ценностей.

Не секрет, что в наши дни ислам в общественном сознании Запада воспринимается как некая агрессивная реальность. К сожалению, человеческая природа такова, что зачастую враждебно воспринимается то, что непонятно, непостижимо обыденным сознанием. И здесь, как никогда, своевременным представляется обращение к историческому опыту постижения подлинных смыслов ислама, квинтэссенцией которого, как это ни парадоксально, являются бессмертные творения, созданные в лоне западной литературы. Диалог культур и цивилизаций, заложен в фундамент того, что мы называем сегодня классической литературой.

В этой связи, надо отметить, что книга «Ислам и мир» уже по своей форме выстроена как диалог, в котором, с привлечением широкого круга первоисточников, показано, как ис-

ламские духовные ценности и, прежде всего, Коран влияли на творчество, а порой и на жизненные приоритеты великих русских и западноевропейских писателей и поэтов.

Каждый из участников этого диалога интересен тем, что пришёл к нему своей особой дорогой, накопил свой жизненный опыт в сфере духовных исканий. Важно отметить, что они не представляют полюса – Запад-Восток. В сущности, их беседа – это диалог мусульманина с мусульманином о западно-восточной природе творчества тех, кого считают представителями исключительно западной христианской культуры.

Перед нами два собеседника – путники двух очень разных жизненных дорог.

Путь Исмагила Шангареева – человека, отдавшего много лет жизни служению Богу, и в высоком сане муфтия возглавлявшего долгое время Центральное духовное управление мусульман Оренбургской области. В то же время Исмагил Калямович имеет три высших светских образования, в том числе экономического и культурологического, обладает редкой способностью с новой стороны взглянуть на давно известные факты таким образом, что в привычных вещах открывается удивительная картина событий прошлых веков, история обретает новые личностные черты, из которых складываются подлинные лики великих искателей духовных истин.

Признанием заслуг Шангареева в сфере культуры стало его избрание в 2017 году академиком Евразийской Акаде-

мии Телевидения и Радио (ЕАТР).

Путь Нурали Латыпова – человека, которого на всей территории одной шестой мира знают как одного из самых ярких интеллектуалов второй половины XX – начала XXI века, автора множество ярких и увлекательных книг о «времени и о себе». Надо отметить, что он является достойным продолжателем традиций восточного энциклопедизма, и будучи современным натурфилософом-метафизиком, при этом совершил инновационные прорывы в нейробиологии и кибернетике.

Первый обладатель «Хрустальной совы» знаменитой телеигры «Что, где, когда?», лауреат литературной премии «Золотой телёнок», 12-кратный обладатель Гран-при международных выставок карикатур, Латыпов является членом Союза писателей Российской Федерации, книги которого читатели всегда с нетерпением ждут.

Зная лично этих замечательных людей, хочу особо отметить, что пути Шангареева и Латыпова пересеклись в 1990 году в Саудовской Аравии, и произошло это в легендарном городе Медине. В моём восприятии – это мир «1001 ночи», мир чудес и мудрых поучительных историй. Одна из таких историй произошла под куполом знаменитой Мечети пророка Мухаммада. А случилось это так, как бывает только в сказке. Оба искателя духовных истин совершили паломничество в Мекку, и, в продолжение своей дороги по святым местам, посетили Медину, желая совершить молитву в ме-

сте, где обращался к Аллаху сам пророк Мухаммад.

Каждый человек, совершающий хадж в Мекку, несет в своей душе лучистые энергии, которые, как правило, передаются по наследству. Отец Исмагила Калямовича – Каляметдин-хазрат Шангареев – служил Создателю и людям в качестве имама-хатыба Ростовской мечети и имама Пермской мечети. От отца Исмагил Калямович унаследовал широту души, особо трепетное отношение к заветам Корана. Все, кто знает этого человека, поражаются его бурлящей энергии, редкому умению сопереживать и сострадать. Отец одиннадцати детей и восьмерых внуков особенно много душевных сил он отдает детям, оставшимся без попечения родителей.

Нурали Лытыпов вырос в семье, где папа был физик, а мама математик. Оба преподаватели, беззаветно преданные науке и по-настоящему увлеченные педагогикой. Но тягу к духовным странствиям он наверняка унаследовал от бабушки Гажби-Камал, дочери Имама, которая в ещё юном возрасте закончила медресе и нашла свой путь в жизни, став главным фельдшером – акушером города Ферганы. Представляю, какой небесной радостью для Гаджи-Камал была привезенная внуком вода из священного источника зам-зам, который возник после того, как Архангел Джабраил ударил оземь своим крылом, и с каким упоением она слушала его рассказы об удивительных местах и людях, которых он встретил в Мекке и Медине.

Мечеть пророка в Медине особенно поразила Нурали Ла-

тыпова. И думаю, здесь уместно привести маленький рассказ, о том, что больше всего его удивило. «Я, как верующий человек, – рассказывал он, – побывал во многих мечетях мира. Они все разные, но у всех у них есть общая черта – кыбла (ниша, обращённая на Каабу). Однако в маленькой старинной мечети в городе Медина, где молился Пророк Мухаммад, я неожиданно увидел две кыблы, обращённые в разные стороны. Одна из них – в сторону Мекки на Каабу, а вот куда вторая? Путём логических рассуждений я смог ответить на этот вопрос. Но вам сегодня подскажу – пророк Мухаммед вместе со своими единоверцами молился в сторону иерусалимской мечети Аль-Акса. По преданию, однажды во время полуденной молитвы на пророка снизошло откровение, и он, не прерывая молитвы, повернулся, а за ним и его единоверцы в направлении на Каабу в сторону Мекки.

В этом рассказе меня поразило то, что, поменяв место поклонения, пророк не приказал разрушить прежнюю кыблу, а повелел её сохранить, подавая нам пример того, как относиться к святыням прошлого, к памятникам истории.

Продолжая своё размышление, в духе восточных историй, не могу не подчеркнуть символичность того факта, что Шангареев и Латыпов встретились между этими двумя кыблами, в мечети, где начинается история, которую можно смело называть: «Ислам и мир».

Можно верить или не верить в предопределение, но убеж-

ден, что эта встреча Латыпова и Шангареева в Медине была неслучайной. Их творческий союз, попытка ответить на острые вопросы времени, в котором нарастает противостояние цивилизаций, культур, религий, безусловно один из реальных шагов к строительству мостов взаимопонимания, основанного на общих духовных ценностях Запада и Востока. Важно, что эта беседа двух искателей духовных истин, которые видят в Пушкине, Лермонтове, Толстом, Бунине, Монтескье и Гёте своих духовных наставников.

Актуальность подобных диалогов бесспорна как для Европы, так и для России. Духовные скрепы, о которых сегодня столько говорится, должны формироваться на основе взаимоуважения народов во всех сферах культуры, но особенно такой деликатной сфере общественного сознания, как религия. И здесь пример великих писателей и поэтов трудно переоценить. Через их взгляды, искания, озарения, авторы в форме диалога утверждают равные позиции Запада и Востока в пространстве мировой культуры, ровно как условия, когда они могут реально сойтись. Помните, как в знаменитом и часто цитируемом стихотворении Редьярда Кипплинга:

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,

Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд.

Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,

Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли

встает?

В этом замечательном переводе Елизаветы Полонской так и хочется, в свете данного предисловия заменить слова «сильный» на «равный». Сделать это не позволяет Киплинг. Однако внести уточнение в смысловой строй сказанного, желая проиллюстрировать суть книги «Ислам и мир», думаю, вполне возможно. В этом случае данный фрагмент из произведения Киплинга прозвучит как контекст для утверждения – «равный с равным». Точно так же, как это звучало в творчестве Пушкина, Лермонтова, Толстого, Бунина...

«Равный с равным» – вот основа диалога цивилизаций и, если хотите, основа национальной идеи нынешней России.

Книга «Ислам и мир» в равной степени дает пищу для сердца и ума. Она адресована как специалистам, так и преподавателям школ, лицеев и вузов. Последние могут представлять разные научные дисциплины, но особенно важно взять на вооружение эту книгу в Исламских университетах стран СНГ, где необходимы подобные произведения как источники расширенного мышления, восприятия религиозной мысли в контексте духовных устремлений величайших мыслителей Западного мира, частью которого, бесспорно, является, Россия.

Президент Международной ассоциации исламского бизнеса Марат Кабаев

Диалоги

Диалог I. «Подражания Корану» Александра Пушкина

Нурали Латыпов

Хочу начать наши диалоги с Исмагилом Калямовичем с того, чтобы испить с ним из одной пиалы по глотку воды, из священного источника зам-зам. Мне её недавно передали из Мекки, для того чтобы я мог осветить свое слово, когда буду говорить о высоких смыслах ислама, когда буду читать суры из Корана, говорить о матери, которая всегда в моём уставшем от несовершенства мира сердце.

Убеждён, что сегодня тот самый случай, когда глоток священной воды необходим, чтобы приступить к разговору о духовных смыслах ислама, нашедших свое развитие в бессмертных творениях таких гигантов духа, как Пушкин и Лермонтов, Толстой и Бунин, Монтескье и Гете. Итак, мой старый друг, обозначайте первую тему нашей беседы и, как говорится, с Богом!

Исмагил Шангареев

Полагаю, что согласно масштабам и исторической важ-

ности, первой темой, безусловно, должен быть разговор об Александре Сергеевиче Пушкине, и его обращении к духовным смыслам Корана. Предлагаю разделить разговор на три части.

«Читая сладостный Коран...»

Нурали Лытыпов

Думаю, не будет преувеличением сказать, что Пушкин — целая эпоха в истории всемирной культуры. Многочисленные исследования его наследия несут в себе немало «открытий чудных», но более в сфере литературы, филологии, отчасти истории, но, увы, не духовных исканий поэта. Особенно это касается исламской тематики в творчестве Пушкина и, прежде всего, его знаменитых «Подражаний Корану».

Исмагил Шангареев

У западноевропейских и российских исследователей в подавляющем большинстве имеет место поверхностное знание, а то и просто незнание духовных смыслов Корана. Для этой категории «Подражания Корану» всего лишь поэзия на заданную тему. Другая группа исследователей — мусульманские богословы, историки, глубоко знающие Коран, но, как правило, мало знакомые с духовными исканиями Пушкина, обусловленными не только бунтарским духом поэта, но в значительной степени его любовью к женщине. Да, имен-

но любовью к воплощению всех тайн Востока – Анне Гирей, которая во многом способствовала тем самым «души порывам», которые привели его к Корану.

Нурали Латыпов

Неужели только *cherchez la femme* (как в известной французской поговорке – «Ищите женщину»). И как я понял из ваших слов, не просто женщину, а женщину-татарку, которая привела его к этой великой Книге?

Исмагил Шангареев

Во многом именно так. Но было бы неправильно думать, что не было других факторов, приведших Пушкина к «Подражаниям Корану». Я ознакомился с большим количеством литературы и пришёл к выводу, что уже XVIII веке существовало твердое убеждение, что Пушкин всё время находился в поисках духовных смыслов бытия. В этой связи, позволю себе процитировать авторов тех лет. Так, в книге «Пушкин в Александровскую эпоху» (1874) первый биограф великого поэта Павел Анненков высказал предположение, что у автора «Подражаний» в «выборе оригинала для самостоятельного воспроизведения была ещё другая причина, кроме той, которую он выставил на вид».

Нурали Латыпов

Здесь я с вами согласен. Анна Гирей – это духовный по-

рыв, но думается, нечто внутреннее, нечто существенное уже связывало Пушкина с Кораном.

Исмагил Шангареев

Анненков считает, что Коран стал знаменем, «под которым он проводил своё собственное религиозное чувство». Спустя несколько лет в 1882 году Александр Незелёнов пишет, что видит в «Подражаниях» «согревающую» их «религиозную мысль». В 1898 году Николай Черняев утверждает: «...как это ни странно, Коран дал первый толчок к религиозному возрождению Пушкина и имел поэтому громадное значение в его внутренней жизни».

Нурали Латыпов

В свете сказанного особый интерес вызывает, как трактовал «Подражания Корану» Дмитрий Овсянικο-Куликовский, подчеркивая, что: «Эта религиозная лирика не может быть названа ни библейской (древнееврейской), ни христианской, никакой-либо иной, кроме как мусульманской, и притом не вообще мусульманской, а специально той, которая возникла и звучала в проповеди Магомета в эпоху возникновения его религии».

Исмагил Шангареев

Последнее замечание имеет принципиальное значение в свете духовно-религиозного опыта обращения Пушкина к

основам ислама. Можно сколь угодно долго рассуждать о том, был ли это религиозный порыв или поэтическое откровение гения, одно бесспорно, Пушкин несет нам основы традиционного ислама, без искажений и сомнительных интерпретаций.

В этой связи выглядит вполне естественным, что в 90-х годах XX века в «мусульманских» республиках России и в некоторых московских изданиях появились публикации, рассматривающие «Подражания Корану» как свидетельство того, что Пушкин тяготел к исламским духовным ценностям не только как поэт, ищущий новые сюжеты.

По сути он первым в русской среде, в православном мире, со всей мощью своего гения обратился к духовным смыслам Корана.

Нурали Латыпов

Да, это был действительно порыв в поисках небесных откровений. Порыв и вдохновенный труд. В ноябре 1824 года, недавно прибывший из южной ссылки, Пушкин пишет из Михайловского в Петербург своему брату Льву: «Я тружусь во славу Корана...» Что это значило, Льву было понятно, ибо он знал – ещё в октябре уже прославившийся в России своими стихами поэт приступил к «Подражаниям Корану».

Исмагил Шангареев

Насколько известно из работ по истории литературы, в те

дни на столе Пушкина лежал перевод Корана, сделанный с французского языка Михаилом Веревкиным. Конечно, это был не лучший перевод. В нём было много неточностей, но ради справедливости надо признать, что Веревкин, как позднее казанский востоковед Гордей Саблуков, всеми силами души пытался донести неземную поэзию Корана.

Готовясь к нашей беседе, я сделал выписку из его предисловия к этому переводу. «Слог Аль-Корана, – пишет Веревкин, – везде прекрасен и текущ, паче же на местах подражательных речениям пророческим и стихам библейским: впрочем, есть сжатый, нередко же и тёмный, украшенный риторическими фигурами по вкусу народов восточных; но приманчив по изречениям замысловатым и много значащим. Где же пишется о величии божием, божественных его свойствах, высок и великолепен, хотя и сочинён прозою. Наречия важные оканчиваются рифмами, для коих иногда прерываем или переносим бывает смысл от строки в другую и подаёт поводы ко многим повторениям того же самого, весьма неприятным в переложении на чужой какой-либо язык. Посему-то трудно разуметь Аль-Коран... Чудные происходят действия искусства от выбора слов и оных расположения, ибо оным, подобно музыке, как бы очаровывается слух».

Нурали Латыпов

Действительно, слушая этот фрагмент предисловия Михаила Веревкина к переводу Корана, нельзя не отметить его

искреннее восхищение неземным слогом Корана, который «подобен музыке». Это очень важно, когда переводчик так относится к тексту. И несомненно, что очарование Веревкина стало для Пушкина неким метафизическим ориентиром в работе над текстами Корана, которые он подобрал и выстроил в особой, незаметной для непосвященного глаза, последовательности. Это было его неповторимое прочтение Корана, яркая попытка передать небесные смыслы ислама.

Исмагил Шангареев

В этой связи, надо особо подчеркнуть, что выводы многочисленных пушкинистов о том, что «Подражания Корану» всего лишь очередная дань музе поэзии, не выдерживает никакой критики. Этот вердикт, согласно которому Пушкин был обделен религиозно-мистическим мироощущением, не более чем дань временам воинствующего атеизма или, если сказать точнее, общественного идиотизма, поразившего значительную часть человечества в XVIII – XX вв.

Татарская песня

Исмагил Шангареев

С «Татарской песни» начинается духовный хадж Пушкина, его обращение не просто к историко-культурным темам мусульманского Востока, а к духовным смыслам ислама.

В «Татарской песне» поэмы звучат «Святые заповеди Ко-

рана» – о совершении хаджа в Мекку:

Дарует небо человеку
Замену слёз и частых бед:
Блажен факир, узревший Мекку
На старости печальных лет.

Блажен, кто славный брег Дуная
Своею смертью освятит:
К нему навстречу дева рая
С улыбкой страстной полетит.

Как вы полагаете, кто она, дева рая Александра Пушкина?

Нурали Латыпов

Читая «Бахчисарайский фонтан» и глубоко вникая в подробности его личной жизни, можно сказать однозначно: это Анна Ивановна Гирей, о которой мы упомянули в начале нашей беседы.

Давайте посмотрим, что нам известно об этой загадочной музе Пушкина?

Исмагил Шангареев

Прежде всего факты. Правнучка хана Шагин-Гирея, татарка, путешествовавшая с семьёй Николая Раевского и с Пушкиным по Кавказу и Крыму в 1820 г. К слову сказать, согласно нашей семейной легенде, моя дальняя родственни-

ца, так как я тоже происхожу из славного рода Гиреев – предков Анны.

Не вызывает никого сомнения, что именно она, тайная и взаимная любовь поэта, была музой многих его стихов, черкешенкой из «Кавказского пленника» и отчасти Татьяной Лариной. Только ей одной он преподнёс «заветный перстень» с сердоликом.

Да, Анна Гирей была человеком неординарной судьбы, в силу чего многие и считали её исключительной.

Позволю себе процитировать Галину Римскую: «...в доме у Раевского полно очарования, и пенится кружев изящных стройная река, над морем Аю-Даг, и синь небес, и облака, красавицы-сестрички, с ними Анна, запомнит время силуэт прелестнейшей головки, немыслимо поэту в нашем мире без любви. Он рисовал повсюду профиль милой, очень тонкий...».

Нурали Латыпов

Хотелось бы особо отметить, что в книге Любви Краваль «Рисунки Пушкина как графический дневник» на основе глубокого изучения документов отмечено, что брачную перспективу с Анной Пушкин обдумывал всерьёз, и «...когда он плыл на корабле в Гурзуф», о сватовстве у него с Анной.

«Впервые, – пишет Краваль, – Пушкин встретил в женщину, которая не только никогда б не изменила, но и повода подумать об измене не дала бы».

Думаю, он это понимал, зная или предчувствуя свою трагическую судьбу. И любящий обсуждать свои сердечные победы в кругу друзей Пушкин (как то было принято в обществе) об Анне нигде не проронил ни слова. Воистину только малые чувства кричат, большие молчат. Наверное, именно так, из большой любви произрастают цветы духовного пробуждения. Так наметился его путь к «Подражаниям Корану», а в его поэзии четко обозначилась тематика исламского Востока. Интересно, что искал его дух в пространстве ислама?

Исмагил Шангареев

Об это ведомо только Аллаху. Мы же можем опираться только на факты, которые находят отражение не столько в биографии поэта, сколько в его творчестве.

Сегодня мало кто сомневается, что образ героини «Бахчисарайского фонтана» – Заремы, страстной и ревливой, списан поэтом со смуглой, порывистой, живой и, видимо, такой же ревливой Анны Гирей.

...пленительные очи

Яснее дня, чернее ночи.

В письме к брату Льву, Пушкин приоткрыл завесу над своими глубинными чувствами: «Здесь Туманский (чиновник на службе у графа Воронцова) ...я прочёл ему отрыв-

ки из «Бахчисарайского фонтана», сказав, что не желал бы её напечатать, потому что «многие места относятся к одной женщине, в которую я был долго и очень глупо влюблен...».

Нурали Латыпов

У этой удивительной любви, которую так ревностно скрывал Пушкин были свои символы, и, прежде всего, некий «талисман», о котором писал Пушкин. Кажется, это татарская традиция?

Исмагил Шангареев

В интерпретации Пушкина, в большей степени мусульманская. Представляется, что здесь речь идет о традиционном амулете, который особенно популярен среди тюркских народов, принявших ислам.

Нурали Латыпов

Но не это главное. Нам важнее понять какое значение Пушкин придавал этому оберегу. В своём знаменитом стихотворении «Талисман», он писал:

Там волшебница, ласкаясь
Мне вручила талисман —
В нём таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый.

Не спасёт мой талисман.
И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников Пророка
Он тебе не покорит.
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран.
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...
Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя:
Милый друг! От преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман.

Увы, все эти пожелания, оказались лишь данью народной традиции. Не сложилось у Пушкина и Гирей. Видимо, так было предначертано Всевышним. Наталья Гончарова пришла на место той, которая долгое время была преданной музой-хранительницей великого поэта.

«И да падёт с очей туман»

Исмагил Шангареев

Твои слова, деянья судят люди,
Намеренья Единый видит Бог.

Скажет Пушкин в трагедии «Борис Годунов». Его обращение к Корану стало намерением, о котором вряд ли следует рассуждать, анализировать, ибо это пришло к нему свыше.

Нурали Латыпов

Как это произошло, позволяют проследить литературные источники, благодаря которым мы можем следовать за великим поэтом в «студенческую келью» Лицея, «маленький грот» в Гурзуфе, туда, где он хранил «внутреннюю келью своего сердца».

Исмагил Шангареев

И всё-таки как удивительно, что, именно в пещере со «святой лампадой» в имении Михайловском явились Пушкину «Подражания Корану»:

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран;
Внезапно ангел утешенья,
Взлетев, принёс мне талисман.
Его таинственная сила...
Слова святыя начертила
На нём безвестная рука.

Сохранившиеся рабочие тетради Пушкина позволили исследователям детально проследить, как именно работал поэт с образцом – текстами Корана. Так, в частности, Борис Томашевский пишет: «...поэт почтителен к священной книге мусульман, до самоизнурения стремится к точности. Однако при этом следует собственному, авторскому замыслу, подвигшему его к созданию «Подражаний Корану». Для нас важно понять, в чём же был этот замысел.

Нурали Латыпов

Важно отметить, что сама последовательность произведений, составляющих «Подражания Корану», их композиционный порядок как бы постоянно «провоцируют» читателя на поиск разного рода ассоциаций и связей между ними.

На мой взгляд, «Подражания Корану» – глубоко религиозное произведение, связанное с духовными исканиями Пушкина, «подражательность» это всего лишь форма, за которой кроется глубоко осознанное стремление проникнуть в скрытые духовные смыслы Корана, найти некие небесные коды в его поэзии.

Исмагил Шангареев

Многие авторы пытались комментировать «Подражания Корану», сличать с подлинником, найти те или иные особенности филологической подачи текста. Думаю, это делать нельзя. Пушкин – явление настолько уникальное, что подхо-

дить к его духовным исканиям с позиции какого-либо анализа – дело неблагодарное. «Парадоксов друг» – он оставил нам духовное наследие, о котором хорошо сказал Достоевский, отмечая, что «появление его сильно способствует освещению тёмной дороги нашей новым направляющим светом». И безусловно, «Подражания Корану» – одна из самых интересных загадок его светоносного творчества. В этой связи также нельзя не вспомнить слова Достоевского о том, что «Он унёс с собою великую тайну».

Нурали Латыпов

Я целиком солидарен с мнением Достоевского. Пушкин многое не успел сказать. Сегодня мы можем лишь наслаждаться «Подражаниями Корану»: кто – как шедевром поэзии, а кто – как примером яркого и искреннего духовного восхождения к божественным смыслам ислама.

Исмагил Шангареев

Больше всего меня поражает «первое подражание», его удивительная мощь и сила, которая словно бьёт через край. Пушкин так истово, с такой искренностью передает смыслы Корана (Переложение суры ХСIII «Солнце восходящее») обращённые к пророку, что хочется преклонить колени, повторяя эти простые истины, в которых слышится неподдельная забота и любовь к человеку, избранному нести в мир Слово.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой:
Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввёл, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?
Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?
Мужайся ж, презирай обман,
Стезёю правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

Нурали Латыпов

Важно отметить, что «Подражания Корану» это не просто случайно избранные суры, но результат некой селекции, условно говоря, «естественного отбора» сюжетов, которые несут в себе не только религиозно-законодательные смыслы, но и философские проблемы непреходящего значения. Достаточно сказать, что девятый раздел «Подражаний» по сути философско-аллегорическая концепция обратимости времени, изложенная в суре II «Корова» (261 стих). Вот как она звучит в интерпретации Пушкина:

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладез под пальмою видит он вдруг.
И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струёй освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лёг, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.
Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.
Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лёг ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладез холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесённый песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».
И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;

Вновь кладез наполнен прохладой и мглой.
И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рёв издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

Главное, полагал лауреат Нобелевский премии по химии Илья Пригожин, запустить механизм парадокса времени, когда становится возможным «таинственное совпадение прошлого и будущего, истоков и конца». При этом он допускал, что «может быть, существует более тонкая форма реальности, охватывающая законы и игры, время и вечность». То, что мы находим в суре Корова, и то, что утверждает современная фундаментальная физика, по сути раскрытие тайн одних и тех же «законов и игр». Путник, который роптал на Бога, оказался вовлечённым в игру ускорения времени, а затем его мгновенного обратного течения. После урока, преподанного ему Аллахом, он, подобно Эйнштейну, мог сказать: «Для нас, убеждённых физиков, различие между прошлым, настоящим и будущим – не более чем иллюзия, хотя весьма навязчивая».

Исмагил Шангареев

Действительно, просто поразительная история, в которой «время и вечность» обретают новые для нас смыслы. Но всё

же, с моей точки зрения, ключевым разделом, в котором в полной мере даны великие смыслы Божественного замысла, является «пятое подражание» (Подражание отрывкам из разных мест Корана: суры XXI «Пророки», XXIV «Свет», XXXI «Лукман»). Вселенские масштабы Творения, картина, словно уходящая в бесконечность и одновременно дающая панораму земной природы. Ислам и Мир здесь рисуются как единство, главное в котором – «Свет», сияние Всевышнего, к которому должен стремиться человек.

Земля недвижна – неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой.
Зажёг ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лён, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.
Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насыляет тучи;
Дает земле древесну сень.
Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечём и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

Думаю, что каждый человек должен найти свое сокровен-

ное в этих удивительных стихах... Пусть это будет для кого-то поэзия, а для кого-то смыслы духовных исканий. Главное, что всё это прошло через сердце поэта, который искал Истину... В небесах и на земле.

Нурали Латыпов

В заключение хотелось бы отметить, что пушкинские «Подражания Корану» явились для современников поэта настоящим откровением на пути к свободе. «Мужайся ж, презирай обман, / Стезёю правды бодро следуй».

В этой связи нельзя не вспомнить, что Рылеев писал Пушкину в апреле 1825 года, за восемь месяцев до декабристского восстания: «Лев прочитал нам несколько новых твоих стихотворений. Они прелесть; особенно отрывки из Алкорана». И с этим трудно не согласиться. Но как всё-таки много самых невероятных пересечений в истории – декабристы за месяц до знаменитого восстания слушают пушкинские «Подражания Корану». Что-то в этом есть метафизическое, находящееся за гранью культурно-исторических и социально-политических процессов.

Исмагил Шангареев

«Подражания Корану», как все великие произведения – вне времени и на все времена. И словно к нам сегодня обращены пушкинские строки о мудрости и милосердии Всевышнего: «Он милосерд: он Магомету /Открыл сияющий

Коран. / Да притечём и мы ко свету, / И да падёт с очей туман».

Диалог II. Молитва Михаила Лермонтова

Исмагил Шангареев

Уважаемый Нурали Нурисламович, я предлагаю придерживаться мусульманской литературной традиции, которая восходит к сказкам «1001 ночи», когда тема не прерывается, а плавно перетекает в новый сюжет. Духовную эстафету Пушкина продолжил его великий современник – Михаил Лермонтов. Начиная с известного всем стихотворения «На смерть поэта» и заканчивая стихами, несущими в себе духовные смыслы ислама и обращением к своим татарским корням.

Нурали Латыпов

Можно сказать, что смерть не прервала работу мысли великого поэта над текстами Корана. Благодаря тому, что эстафету духовных исканий принял современник Пушкина, который прожил ещё более короткую, но не менее яркую жизнь. Речь идет о ярчайшем даровании русской культуры – Михаиле Лермонтове, который, по моему глубокому убеждению, является недооцененным не только своими современниками, но и многочисленными историками литературы наших дней. Недооценка, в данном случае, главная причина непонимания его духовных исканий, а нередко просто от-

кровенной хулы всего того, что он хотел сказать Богу.

Так, Дмитрий Мережковский – известный русский писатель, поэт и, что важно в нашем случае, религиозный философ, писал: «Лермонтов всегда и со всеми лжет». – Лжет, чтобы не узнали о нём страшную истину. Звери слышат человеческий запах. Так люди слышат в Лермонтове запах иной породы...»

Исмагил Шангареев

Сказано жёстко, как говорят – «не в бровь, а в глаз». Однако за этой, я бы сказал, эпатажной жесткостью, кроется глубокий анализ творчества Лермонтова, попытка сказать правду о поэте, вопреки сложившемуся о нем общественному мнению. Кстати, это вполне в духе самого Лермонтова. И всё-таки, что имел в виду Мережковский?

Нурали Латыпов

Отвечу словами известного историка русской литературы Михаила Синельникова: «Выговаривая правду прямо и до конца, надо признать, что автор самых проникновенных и чистых православных стихов был отчасти мусульманином». Вот вам пусть не полный, но ответ на то, что имел ввиду Мережковский, говоря, что Лермонтов скрывал свою истинную сущность. Но это только «одна сторона медали».

Есть и иная причина мотивации к скрытности – это та-

тарские корни Лермонтова. Помните, как у Булгакова точно сказано: «...вопросы крови – самые сложные вопросы в мире!... Есть вещи, в которых совершенно недействительны ни сословные перегородки, ни даже границы между государствами». Однако, думаю, нам надо поступить, как в предыдущей беседе, и разбить наш разговор на части, чтобы не смешивать религиозные предпочтения Лермонтова и «вопросы крови».

С чего начнем?

Исмагил Шангареев

Давайте с последнего, поскольку именно «вопросы крови», с моей точки зрения, во многом предопределили обращение Лермонтова к духовным смыслам ислама.

«Вопросы крови»

Исмагил Шангареев

Сразу хочу оговориться: подымая вопросы крови, я имею в виду не только Лермонтова, но общую тенденцию формирования российского этноса в направлении «От Руси к России». Так называется известная книга Льва Гумилева, который очень тонко подметил, что: «Татары – народ не рядом с нами, они внутри нас, они в нашей крови, нашей истории, нашем языке, нашем мироощущении». В свете сказанного Михаил Юрьевич, скорее, не исключение, а правило.

Нурали Латыпов

Не столько правило, сколько тенденция, которая имела место быть в истории государства Российского. В этой связи важно отметить большую созидательную роль татарского рода Гиреев, чьи славные представители почти 350 лет занимали в разные годы престолы Казанского, Астраханского Крымского и Касимовского царств, управляли землями материковой Таврии, Кубани, Поволжья, Джемболука, Едисана и Буджака. Известно, что Лермонтов имел прямое отношение к династии Шан-Гиреев по линии матери – *Марии Михайловна Арсеньевой*.

Исмагил Шангареев

Как представитель этого славного рода хочу заметить, что вероятным основателем русского рода Шан-Гиреев, предков не только Лермонтова, но и Григория Сковороды, является казачий полковник времен Богдана Хмельницкого – Шагин Иван Гирей (Шан-Гирей).

Надо сказать, это не единственная в роду Лермонтовых тюркская ветвь. Согласно имеющимся документам, бабушка Шан-Гирея Екатерина и бабушка Михаила Лермонтова Елизавета происходили из рода Аслан-мурзы Челебея, который в 1389 году вместе со своей дружиной перешел, из Золотой Орды на службу к великому князю Димитрию Донскому.

Всё это позволяет сделать вывод, что по линии матери

Лермонтов принадлежал к самым знатным и влиятельным татарским родам.

Нурали Латыпов

Интересно, а он сам об этом знал?

Исмагил Шангареев

Разумеется, должен был знать, как и всякий дворянин, знакомый со своими фамильными гербами. Известно, что у Арсеньевых в гербе два скрещенных ятагана, стрела, подкова и полумесяц, свидетельствующие о исламских корнях их родословной. Кроме того, Лермонтов в Москве часто общался с потомками бывших крымских ханов – Гиреями, среди которых, в частности, были Розенов – русский офицер Бота Шамурзаев и государственный чиновник высшего класса, поэт Айбулат-Розен. Это те, о которых доподлинно известно. Думаю, татарский круг знакомых Лермонтова был гораздо шире.

Нурали Латыпов

Интересно услышать о роли Пушкина в формировании особой атмосферы вокруг рода Гиреев. Ведь незримые нити между ними существовали, хотя встреча их так и не произошла.

Исмагил Шангареев

Начнем с того, что в новую русскую литературу Гирев «ввел» Пушкин, сделав героем поэмы «Бахчисарайский фонтан» Крым Гирея. О любви Пушкина к Анне Гирей сказано уже достаточно. Хотя и этот факт можно рассматривать как нить судьбы от потомка рода Гиреев Лермонтова к Пушкину, мечтавшему связать свою жизнь с Анной.

Впрочем, если говорить о переплетенье судеб Пушкина и Лермонтова, то последние годы, благодаря кропотливым исследованиям литературоведов и историков литературы Владимира Казарина и Марины Новиковой, было установлено, что оба поэта во время пребывания на Кавказе принимали участие в одном из главных мусульманских праздников Ураза-Байрам в ауле Аджи. Это в пяти километрах от Пятигорска.

Нурали Латыпов

Надо только иметь ввиду, что в реальном времени они разминулись, но в пространстве творчества их взгляды сошлись в одной точке.

Однако давайте обо всем по порядку. Летом 1825 года Лермонтов находился на лечении «водами» в Пятигорске. Там юный поэт имел возможность посетить главный мусульманский праздник – Большой Байрам или Ураза-Байрам. Есть упоминание, что Пушкин с Раевскими за 5 лет до этого, 3 июля 1820 года тоже были в этом же ауле и являлись гостями на праздновании Ураза-Байрама. Как вам такой ва-

риант событий? И главное, не переплетаясь их судьбы шли по близким орбитам! Как у звёзд!

Исмагил Шангареев

Так они и есть звёзды. Были и есть. И орбиты их не случайны, как не были случайны их визиты в селение Аджи на празднование Ураза-Байрама.

Нурали Латыпов

И всё же, в чём смысл пребывания их в Аджи, всего лишь в совпадение орбит, когда оба поэта географически недолго присутствовали в одном месте?

Исмагил Шангареев

География здесь ни при чём. При оценке подобных фактов важны не внешние условия, а понимание того высшего духовного начала, которое присутствует в творчестве великих поэтов. Я специально подчёркиваю – «великих», вкладывая в это слово свое значение – «отмеченных Всевышним».

Если реально отталкиваться от их творческих исканий, пойти как бы в глубь вопроса, то выясняется, что оба поэта не просто были участники одного и того же мусульманского праздника, но как бы соучастники некоего культурно-исторического действия, которое открывалось только их взгляду, давало пищу только их воображению.

Я бы сегодня не побоялся утверждать, что, находясь в мусульманской среде, в отличие от других гостей, они приобрели и усвоили бесценный опыт соприкосновения с мусульманской культурой, исламскими обычаями и традициями. Хочу подчеркнуть, что сказанное мной не просто предположение. Об этом говорят их бессмертные произведения и, прежде всего, пушкинская поэма «Бахчисарайский фонтан» и лермонтовская поэма «Измаил-Бей», где вы найдете отражение тех впечатлений, что были получены во время празднования Ураза-Байрама в Аджии.

Нурали Латыпов

Вы сейчас говорите о том общем, что поразило обоих поэтов на празднике в Аджии, но были и какие-то особенности?

Исмагил Шангареев.

Да, и эти особенности имеют в нашем разговоре принципиальное значение. Лермонтов, в отличие от Пушкина, проявлял глубокий интерес не только к мусульманской тематике, но и к татарскому языку, стихам и песням татарского народа.

Как я уже говорил, Лермонтов оказался на празднике Ураза-Байрам спустя 5 лет после Пушкина. Многие историки литературы, исследователи жизни и творчества Лермонтова отмечали, что уже в отроческие годы он обладал феноменальной памятью. Если говорить о мусульманском праздни-

ке в ауле Аджи, то он запомнил все его мельчайшие детали: как в этот день творили молитвы, как проходили конные состязания со стрельбой, сопровождаемые «весельем, ликованием». Но для нас важно, что самое большое впечатление произвело на юного Лермонтова творчество певца-ашика – стихослагателя, аккомпанировавшего себе на трёхструнном сазе.

Нурали Латыпов

Да, несомненно, здесь Лермонтов идет дальше Пушкина, концентрируя впечатления от праздника на творчестве певца-стихослагателя. Это ещё один срез реальности тех лет, но открылся он только для Лермонтова.

Исмагил Шангареев

Хочу обратить ваше внимание, что ашик – стихослагатель, чьи песни несли в себе всю мощь и красоту Духа татарского народа! Таким подлинно народным певцом предстал перед юным Лермонтовым 15 июля 1825 года Султан Керим-Гирей.

Нурали Латыпов

Остается только удивляться, что до сих пор в достаточно обширном лермонтоведении практически отсутствуют специальные исследования о влиянии образа Султан-Гирея на восприятие Лермонтовым мира Востока, его культуры и ре-

лигии.

Исмагил Шангареев

Тогда в Аджи молодой поэт с упоением слушал редкой красоты песни. Нет сомнения, что рядом были те, кто, пересказал пытливому отроку содержание этих песен, одну из которых в 1832 году он включит в свою поэму «Исмаил-Бей» вместе с ярким и детальным описанием праздника Ураза Байрам.

Образ Султан-Гирея в этой поэме приобретает присущие ему черты подлинно народного певца – поэта, отмеченного печатью благочестия и преданности духовным идеалам ислама.

Поводя итоги первой части нашего разговора о «вопросах крови», хочу заметить, что и Пушкин, и Лермонтов в своих поэмах «Бахчисарайский фонтан» и «Исмаил бей» выводят образы двух представителей династии Гиреев. Пушкин правителя Крым Гирея, Лермонтов повествует о «богоданном» своему народу певце, раскрывая поразивший его в отрочестве образ Султан Керим-Гирея. Последнее обстоятельство имеет для нас особый смысл, так как Лермонтов сам принадлежал к династии Гиреев, которая известна не только своими славными правителями, но и, это мне представляется важнее, династией поэтов.

Нурали Латыпов

А в чём всё-таки конкретно проявлялась тяга Лермонтова к своим корням? Где «вопросы крови» проявляются так, что никаких сомнений быть не может?

Исмагил Шангареев

«Вопросы крови» тем и интересны, что дают такие ответы, от которых нельзя просто отмахнуться. Открываю четвёртый том собрания сочинений Лермонтова, на странице 113 читаем: «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим как французский в Европе...». Это фрагмент письма, написанного рукой Лермонтова. Поэт не только обращался к истории, культуре и традициям татарского народа, но к самым его корням – татарскому языку. И это не только намерение, поэт использует тюркские слова в шестой речи Печорина (его герой тоже учился говорить по-татарски) и Максима Максимовича в романе «Герой нашего времени».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.